

Одни. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Одни. Василий Макарович Шукшин

Шорник Антип Калачиков уважал в людях душевную чуткость и доброту. В минуты хорошего настроения, когда в доме устанавливался относительный мир, Антип ласково говорил жене:

- Ты, Марфа, хоть и крупная баба, а бестолковенькая.
- Эт почему же?
- А потому... Тебе что требуется? Чтобы я день и ночь только шил и шил? А у меня тоже душа есть. Ей тоже попрыгать, побаловаться охота, душе-то.
- Плевать мне на твою душу!
- Эх-х...
- Чего «эх»? Чего «эх»?
- Так... Вспомнил твоего папашу-кулака, царство ему небесное.

Марфа, грозная, большая Марфа, подбоченившись, строго смотрела сверху на Антипа. Сухой, маленький Антип стойко выдерживал ее взгляд,

- Ты папашу моего не трожь!.. Понял?
- Ага, понял, – кротко отвечал Антип.
- То-то.
- Шибко уж ты строгая, Марфынька. Нельзя так, милая: надсадишь сердечушко свое и помрешь.

Марфа за сорок лет совместной жизни с Антипом так и не научилась понимать; когда он говорит серьезно, а когда шутит.

- Впрочем, шей.
- Шью, матушка, шью.

В доме Калачиковых жил неистребимый крепкий запах выделанной кожи, вара и дегтя. Дом был большой, светлый. Когда-то он оглашался детским смехом; потом, позже, бывали здесь и свадьбы, бывали и скорбные ночные часы нехорошей тишины, когда зеркало завешено и слабый свет восковой свечи – бледный и немощный – чуть-чуть высвечивает глубокую тайну смерти. Много всякого было. Антип Калачиков со своей могучей половиной вывел к жизни двенадцать человек детей. А всего было восемнадцать.

Облик дома менялся с годами, но всегда неизменно оставался рабочий уголок Антипа – справа от печки, за перегородкой. Там Антип шил сбруи, уздечки, седелки, делал хомуты. И там же, на стенке, висела его заветная балалайка. Это была страсть Антипа, это была его бессловесная глубокая любовь всей жизни – балалайка. Антип мог часами играть на ней, склонив набочок голову, и непонятно было: то ли она ему рассказывает что-то очень дорогое, давно забытое им, то ли он передает ей свои неторопливые стариковские думы. Он мог сидеть так целый день, и сидел бы, если бы не Марфа. Марфе действительно нужно было, чтобы он целыми днями только шил и шил: страсть как любила деньги, тряслась над копеечкой. Она всю жизнь воевала с Антиповой балалайкой. Один раз дошло до того, что она в гневе кинула ее в огонь, в печку. Побледневший Антип смотрел, как она горит. Балалайка вспыхнула сразу, точно берестинка. Ее стало коробить... Трижды простонала она почти человеческим стоном – и умерла.

Антип пошел во двор, взял топор и изрубил на мелкие кусочки все заготовки хомутов, все сбруи, седла и уздечки. Рубил молча, аккуратно. На скамейке. Перетрусившая Марфа не сказала ни слова. После этого Антип пил неделю, не

Одни. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru заявляясь домой. Потом пришел, повесил на стенку новую балалайку и сел за работу. Больше Марфа никогда не касалась балалайки. Но за Антипом следила внимательно: не засиживалась у соседей подолгу, вообще старалась не отлучаться из дому. Знала: только она за порог, Антип снимает балалайку и играет – не работает.

Как-то раз осенним вечером сидели они – Антип в своем уголке, Марфа у стола с вязаньем.

Молчали.

Во дворе слякотно, дождик идет. В доме тепло, уютно. Антип молоточком заколачивает в хомут медные гвоздочки: тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук... Отложила Марфа вязанье, о чем-то задумалась, глядя в окно.

Тук-тук, тук-тук, – постукивает Антип. И еще тикают ходики, причем как-то так, что кажется, что они вот-вот остановятся. А они не останавливаются. В окна мягко и глуховато сыплет горстями дождь.

– Чего пригорюнилась, Марфынька? – спросил Антип. – Все думаешь, как деньжат побольше скопить?

Марфа молчит, смотрит задумчиво в окно. Антип глянул на нее.

– Помирать скоро будем, так что думай не думай. Думай не думай – сто рублей не деньги. – Антип любил поговорить, когда работал. – Я вот всю жизнь думал и выдумал себе геморрой. Работал! А спроси: чего хорошего видел? Да ничего. Люди хоть сражались, восстания разные поднимали, в гражданской участвовали, в Отечественной... Хоть уж погибали, так героически. А тут – как сел с тринадцати годков, так и сижу – скоро семисят будет. Вот какой терпеливый! Теперь: за что я, спрашивается, работал? Насчет денег никогда не жадничал, мне плевать на них. В большие люди тоже не вышел. И специальность моя скоро отойдет даже: не нужны будут шорники. Для чего же, спрашивается, мне жизнь была дадена?

– Для детей, – серьезно сказала Марфа.

Антип не ждал, что она поддержит разговор. Обычно она обрывала его болтовню каким-нибудь обидным замечанием.

– Для детей? – Антип оживился. – С одной стороны, правильно, конечно, а с другой – нет, неправильно.

– С какой стороны неправильно?

– С той, что не только для детей надо жить. Надо и самим для себя немножко.

– А чего бы ты для себя-то делал?

Антип не сразу нашелся, что ответить на это.

– Как это «чего»? Нашел бы чего... Я, может, в музыканты бы двинул. Приезжал ведь тогда человек из города, говорил, что я самородок. А самородок – это кусок золота, это редкость, я так понимаю. Сейчас я кто? Обыкновенный шорник, а был бы, может...

– Перестань уж!.. – Марфа махнула рукой. – Завел – противно слушать.

– Значит, не понимаешь, – вздохнул Антип.

Некоторое время молчали.

Марфа вдруг всплакнула. Вытерла платочком слезы и сказала:

– Разлетелись наши детушки по всему белу свету.

– Что же им, около тебя сидеть всю жизнь? – заметил Антип.

– Хватит стучать-то! – сказала вдруг Марфа. – Давай посидим, поговорим про детей.

Антип усмехнулся, отложил молоток.

– Сдаешь, Марфа, – весело сказал он. – А хочешь, я тебе сыграю, развею тоску твою?

– Сыграй, – разрешила Марфа.

Антип вымыл руки, лицо, причесался.

– Дай новую рубашенцию.

Марфа достала из ящика новую рубаху. Антип надел ее, подпоясался ремешком. Снял со стены балалайку, сел в красный угол, посмотрел на Марфу.

– Начинаем наш концерт!

– Ты не дурачься только, – посоветовала Марфа.

– Сейчас вспомним всю нашу молодость, – хвастливо сказал Антип, настраивая балалайку. – Помнишь, как тогда на лужках хороводы водили?

– Помню, чего же мне не помнить? Я как-нибудь помоложе тебя.

– На сколько? На три недели с гаком?

– Не на три недели, а на два года. Я тогда еще совсем молоденькая была, а ты уж выкобенивался.

Антип миролюбиво засмеялся:

– Я мировой все-таки парень был! Помнишь, как ты за мной приударяла?

– Кто? Я, что ли? Господи!.. А на кого это тятя-покойничек кобелей спускал? Штанину-то кто у нас в ограде оставил?

– Штанина, допустим, была моя...

Антип подкрутил последний кулочок, склонил маленькую голову на плечо, ударил по струнам... Заиграл, и в теплую пустоту и сумрак избы полилась тихая светлая музыка далеких дней молодости. И припомнились другие вечера, и хорошо и грустно сделалось, и подумалось о чем-то главном в жизни, но так, что не скажешь, что же есть это главное.

Не шей ты мне,
Ма-амынька,
Красный сарафа-ан, –
запел тихонечко Антип и кивнул Марфе. Та поддержала:

Не входи, родимая,
Попусту
В изъян...

Пели ни так чтобы очень стройно, но обоим сделалось удивительно хорошо. Вставали в глазах забытые картины, то степь открывалась за родным селом, то берег реки, то шепотливая тополиная рощица припоминалась, темная и немножко жуткая... И было что-то сладко волнующее во всем этом. Не стало осени, одиночества, не стало денег, хомутов...

Потом Антип заиграл веселую. И пошел по избе мелким бесом, игриво виляя костлявыми бедрами.

Ох, там, ри-та-там,
Ритатушеньки мои!
Походите, погуляйте,
Па-ба-луй-тися!

Он стал подпрыгивать. Марфа засмеялась, потом всплакнула, но тут же вытерла слезы и опять засмеялась.

– Хоть бы уж не выдрючивался, господи!.. Ведь смотреть не на что, а туда же.

Антип сиял. Маленькие умные глазки его светились озорным блеском.

Ох, Марфа моя,
Ох, Марфынька,
Укоряешь ты меня за напраслинку!
– А помнишь, Антип, как ты меня в город на ярманку возил? Антип кивнул головой.

Ох, помню, моя,
Помню, Марфынька!
Ох, хаханечки, ха-ха,
Чечевика с виною!
– Дурак же ты, Антип! – ласково сказала Марфа, – Плетешь черт те чего.

Ох, Марфушечка моя,
Радость всенародная...
Марфа так и покатилаь:

– Ну, не дурак ли ты, Антип!

Ох, там, ри-та-там,
Ритатушеньки мои!
– Сядь, споем какую-нибудь, – сказала Марфа, вытирая слезы.

Антип слегка запыхался. Улыбаясь, смотрел на Марфу.

– А? А ты говоришь: Антип у тебя плохой!

– Не плохой, а придурковатый, – поправила Марфа.

– Значит, не понимаешь, – сказал Антип, нисколько не обидевшись за такое уточнение. Сел. – Мы могли бы с тобой знаешь как прожить! Душа в душу. Но тебя замучили окаянные деньги. Не сердись, конечно.

– Не деньги меня замучили, а нету их, вот что мучает-то.

– Хватило бы... брось, пожалуйста. Но не будем. Какую желаете, мадемуазельфрау?

– Про Володю-молодца.

– Она тяжелая, ну ее!

– Ничего. Я поплачу хоть маленько,

Ох, не вейти-ися, чайки, над морем,
– запел Антип.

Вам некуда, бедненьким, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далекий,
Снесите печальну-я весть.
Антип пел задушевно, задумчиво. Точно рассказывал.

Ох, в двенадцать часов темной но-очи
Убили Володю-молодца-а.
Наутро отец с младшим сыном...
Марфа захлюпала.

– Антип, а Антип!., Прости ты меня, если я чем-нибудь тебя обижаю, проговорила она сквозь слезы.

– Ерунда, – сказал Антип. – Ты меня тоже прости, если я виноватый.

– Играть тебе не даю...

– Ерунда, – опять сказал Антип. – Мне дай волю – я день и ночь согласен играть.

Так тоже нельзя. Я понимаю.

Одни. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Хочешь, чекушечку тебе возьмем?

– Можно, – согласился Антип,

Марфа вытерла слезы, встала.

– Иди пока в магазин, а я ужин соберу.

Антип надел брезент и стоял посреди избы, ждал, когда Марфа достанет из глубины огромного сундука, из-под тряпья разного, деньги. Стоял и смотрел на ее широкую спину.

– Вот еще какое дело, – небрежно начал он, – она уж старенькая стала... надо бы новую. А в магазин вчера только привезли. Хорошие! Давай заодно куплю.

– Кого? – Марфина спина перестала двигаться.

– Балалайку-то.

Марфа опять задвигалась. Достала деньги, села на сундук и стала медленно и трудно отсчитывать. Шевелила губами и хмурилась.

– Она у тебя играет еще, – сказала она.

– Там треснула досточка одна... дребезжит.

– А ты заклей. Возьми да варом аккуратненько.

– Разве можно инструмент варом? Ты что, бог с тобой!

Марфа замолчала. Снова стала считать деньги. Вид у нее был строгий и озабоченный.

– На, – она протянула Антипу деньги. В глаза ему не смотрела.

– На четвертинку только? – У Антипа отвисла нижняя губа. – Да-а...

– Ничего, она еще у тебя поиграет. Вон как хорошо сегодня играла!

– Эх, Марфа!.. – Антип тяжело вздохнул.

– Что «эх»? Что «эх»?

– Так... проехало. – Антип повернулся и пошел к двери.

– А сколько она стоит-то? – спросила вдруг Марфа сурово.

– Да она стоит-то копейки! – Антип остановился у порога. – Рублей шесть по новым ценам.

– На, – Марфа сердито протянула ему шесть рублей,

Антип подошел к жене скорым шагом, взял деньги и молча вышел: разговаривать или медлить было опасно – Марфа легко могла раздумать.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!